

Н. Т. Пахсарьян

**РОМАН МАРИВО «ЖИЗНЬ МАРИАННЫ»
В КОНТЕКСТЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ЭПИСТОЛЯРНОЙ ПРОЗЫ
XVIII ВЕКА**

53

Поступила в редакцию 22.06.2022 г.

Рецензия от 21.07.2022 г.

Цель статьи – уточнение жанрово-нарратологических особенностей самого известного романа Ж.-П. Карле де Шамблена де Мариво «Жизнь Марианны». Это произведение обычно упоминают в ряду эпистолярной прозы эпохи Просвещения. В то же время поэтика этого сочинения, иногда называемого «Второй Памелой», не совпадает с поэтологическими приемами Ричардсона – создателя жанра эпистолярного романа, оказавшего большое влияние на развитие европейской, в том числе французской, романистики. Метод сопоставительного анализа позволяет выявить различие нарративов английского и французского писателей. Если английский романист использует технику «writing to the moment», описывает в процессе сочинения письма кульминационный момент эмоционального переживания, то, прибегая к интерференции мемуарного и эпистолярного типов письма, Мариво создает ощущение амбигуитивности рассказа героини (знатной дамы зрелого возраста, повествующей о своей молодости). Временная дистанция позволяет Марианне занять ироническую позицию по отношению к собственным переживаниям, создается эффект «двойного регистра». Таким образом, роман Мариво становится новаторским экспериментальным текстом, образцом рокайльного нарратива.

The article aims to clarify the genre and narratological features of the most famous novel by J.-P. Carlet de Chamblain de Marivaux Marianna's Life. This work is usually mentioned as a sample of the epistolary prose of Enlightenment. However, the poetics of this literary work which sometimes is called the Second Pamela does not match the poetic manners of Richardson who is considered to have been the creator of the epistolary novel. Richardson influenced the development of European as well as French novel greatly. The comparative analysis allows us to establish the difference between the narratives of English and French writers. While the English writer uses the technique called «writing to the moment», describing the emotional feelings as a climax, Marivaux using the interference of both memoir and epistolary types of letters, created the feeling of ambiguity of the protagonist story (the aged woman speaks about her youth). The time distance makes it possible for Marivaux to become ironic to his own feelings and this results in the effect of “double register”. Thus, Marivaux's novel becomes an innovative experimental text, a model of rocaille narrative.

Ключевые слова: Мариво, эпистолярный роман, роман-мемуары, рококо, сентиментализм, интерференция жанров, ирония, чувствительность

Keywords: Marivaux, epistolary novel, memoir-novel, Rococo, Sentimentalism, genre interference, irony, sensibility

Творчество П.К. Мариво, особенно его романное творчество, не слишком широко привлекало и привлекает интерес читателей в России. А.С. Пушкин — едва ли не единственный русский писатель, знавший и любивший Мариво, возможно, в силу близости ему изящного, остроумного и легкого стиля французского автора. Пушкин даже почерпнул у Мариво сюжетный мотив своей повести «Барышня-крестьянка»¹. Впрочем, этот сюжет был взят не из романов, а из драматургии французского писателя — из его комедии «Игра любви и случая». Мариво-драматург и сегодня в России более популярен, чем романист, его пьесы вплоть до сегодняшнего дня входят в репертуар не только зарубежных, но и российских театров.

Что же касается романной прозы писателя, то какое-то время Мариво рассматривался и в отечественном, и в зарубежном литературоведении как автор только двух зрелых произведений — романов «Жизнь Марианны» (1731—1741) и «Удачливый крестьянин» (1734—1735). Новый интерес к Мариво-романисту возник в 1980-е гг., когда исследователи переосмыслили не только наследие писателя, но в первую очередь весь ход жанровой эволюции романа, отказавшись от телеологической концепции движения романного жанра к реализму² и пристальнее взглядевшись в поэтологическое разнообразие литературы XVIII столетия. Прежде всего в русле этого переосмысления ученые обратили более пристальное внимание на экспериментальность ранней романистики Мариво — его романов 1710-х гг. «Удивительные действия симпатии», «Карета, опрокинувшаяся в грязь», «Фарсамон, или Новые романические страсти». Кроме того, пересмотр механизма жанровой эволюции романа сделал очевидным участие этого жанра в движении литературы к изображению частного, интимного аспекта жизни человека, к углублению психологизма, что получило разные формы художественного изображения в романах рококо и сентиментализма. Роман Мариво «Жизнь Марианны» стал рассматриваться не как пример незрелого реализма XVIII в., а как образец рокайльного романа³.

В XVIII в., как известно, роман стал чрезвычайно популярным жанром, опередившим даже драматургию, не случайно этот период часто называют «веком романа». Эпистолярный роман занял среди прочих ведущее место: профессор университета Блеза Паскаля Ф. Калас указывает, что с 1609 по 1842 г. во Франции было опубликовано 200 романов в пись-

¹ См. об этом: [2].

² О том, как аристотелевская концепция движения жанра к наиболее совершенному воплощению своей «природы» воздействовала и на теорию романа, жанра отнюдь не телеологического, см.: [1].

³ См., например, аннотацию на обложке одной из недавних работ о романе: «"Жизнь Марианны" — эмблематическое сочинение для прозы рококо» [16].

мах [3]. Число этих сочинений, возможно, даже больше, ведь, по мнению библиографов, подсчет таких публикаций — Геркулесов подвиг, до конца не осуществленный до сих пор [8, с. 17]. К тому же французские эпистолярные романы дают широкий ряд вариантов, типов: они делятся не только на эпистолярные «монодии», где представлены только письма одного персонажа, и «полифонические» романы, содержащие переписку нескольких персонажей⁴, но также на романы или повести в виде философских писем (как «Персидские письма» Монтескье или «Письма Амабеда» Вольтера) и любовные романы в форме интимной переписки (например, «Письма маркизы де М*** к графу де Р***» Кребийона-сына и «Несчастья непостоянства, или Письма маркизы де Сирсе графу де Мирбелю» Дора), на романы, адресованные возлюбленным («Письма миссис Фанни Батлер милорду Чарльзу Альфреду Кэтомбриджу» мадам Риккони) или состоящие из посланий друзьям, родным («Письма миледи Джульетты Каттесби ее подруге миледи Кэмпби» мадам Риккони, «Письма мадам дю Монтье маркизе де***, ее дочери, с ответами» Лепренс де Бомон), на экзотические «иноземные» письма («Письма перуанки» мадам де Графиньи), письма персонажей-французов («Письма кавалера Дантея и мадемуазель де Телис» Годара д'Акура) и т. д.

«Жизнь Марианны» практически постоянно упоминается в числе важнейших французских эпистолярных романов эпохи Просвещения [20, р. 184; 21, р. 12; 22, р. 48–60], однако часто с оговорками: ведь роман представляет собой воспоминания героини о своей молодости, излагаемые ею в письмах подруге, то есть соединяет в себе эпистолярный и мемуарный нарративы. Собственно, для романистики XVIII в. характерно своеобразное соперничество двух повествовательных форм — эпистолярной и мемуарной, причем предпочтение той или другой служит маркером принадлежности к тому или иному литературному направлению — рокальному или сентименталистскому. Рококо предпочитает в основном романы-мемуары: здесь дистанция между временем излагаемой истории и временем повествования позволяет иронически воспринимать давние бури собственной жизни. Сентиментализму ближе созданные как бы «по свежим следам событий» эпистолярные нарративы, в которых герои находятся внутри излагаемых событий и переживают их с большей эмоциональной остротой. И роман в письмах, и роман-мемуары представляются читателям как «не-романы», а подлинные истории: рукописи воспоминаний и письма словно бы не сочиняют, а «находят», авторы именуют себя издателями и т. п. Так реализуется полемика с романной поэтикой предшествующего столетия и одновременно усиливается эффект «правдивости».

Трансформируя риторическую основу писем, характерную для эпистола XVII в., — не случайно они фигурировали в эту эпоху как в составе романов, так и в разнообразных руководствах-письмовниках, — писатели-сентименталисты превращают тексты писем в пространство открытого эмоционального переживания. Этому весьма способствует новый прием, созданный английским романистом С. Ричардсоном: «a way of writing, to the moment»⁵ (сочинение письма в самый кульминационный

⁴ Такую типологию предлагает Ж. Руссе [18, р. 66].

⁵ См. подробно: [6].

момент этико-психологической коллизии). Не случайно Ричардсона называют отцом жанра эпистолярного романа, хотя он не первый, кто использовал подобный нарратив в романном сюжете: именно у автора «Памелы» (1740) и «Клариссы» (1748) письмо оказывается способом запечатления сиюминутного состояния повествователя в чувствительно-драматической форме.

Огромная популярность ричардсоновских романов в XVIII столетии — популярность, далеко перешагнувшая границы Великобритании⁶, бросила отсвет и на произведения французских писателей того времени. В частности, роман Мариво «Жизнь Марианны» в конце XVIII — начале XIX в. даже стали воспринимать как подражание Ричардсону, как «Вторую Памелу» или «Новую Памелу», хотя, скорее, можно было бы озаглавить «Памелу» Ричардсона «Второй Марианной», поскольку английский роман вышел из печати тогда, когда Мариво уже готовился опубликовать последнюю часть своего сочинения.

Однако точнее было бы сказать, что героиня Мариво — не первая и не вторая Памела в силу поэтологических расхождений романов Ричардсона и Мариво, по причине иного соотношения с эпистолярным контекстом эпохи. Место Мариво в этом контексте — уникально. Мариво представляет свой роман в духе популярного романного топоса того времени как «найденную рукопись»⁷, состоящую из писем некоей Марианны безымянной подруге, себя — как издателя этих писем, предпринявшего определенные меры предосторожности, дабы не оскорбить реальных людей раскрытием их интимных тайн: он уточняет, что рукопись была найдена в купленном им полгода назад загородном доме, который переходил из рук в руки в течение 30 лет, и он на всякий случай сменил имена персонажей переписки. При этом героиня, титул которой указан в полном заглавии романа («Жизнь Марианны, или Приключения графини де***»), так и остается до конца повествования «незнакомкой»⁸. Неизвестно даже, дворянка ли Марианна по рождению (ее совсем маленькой девочкой нашли среди убитых разбойниками пассажиров кареты, следовавшей из-за границы, и не могли опознать, кто ее родители) или же она стала графиней после замужества.

Марианна пишет письма своей подруге, однако повествует в этих письмах о своей прошлой жизни: ей 50 лет, она удалилась от света и рассказывает о своей молодости. Между временем, когда были написаны письма, и временем, о котором ведется рассказ (начатый с момента, когда героине-найденщице примерно два года), достаточно большой разрыв, как будто позволяющий говорить о доминировании в романе мемуарного нарратива. Однако если мемуары в собственном смысле

⁶ Излишне было бы (после А. С. Пушкина) напоминать о восторженном отношении русских читателей (и читательниц) XVIII — начала XIX в. к романам Ричардсона. Стоит только уточнить, что для России довольно долго своеобразным посредником между романами английского писателя и русской читательской публикой были переводы этих романов на французский язык, сделанные А.-Ф. Прево в 1750-е гг.

⁷ О романтических «общих местах» в «Жизни Марианны» см.: [5].

⁸ Ср. заголовок монографии об этом романе — «Мемуары незнакомки» [14].

слова пишутся в расчете на их прочтение потомками (адресатами авторы иногда прямо называют своих детей) или на интерес будущих составителей историографических сочинений (ср. подзаголовки типа «*mémoires pour servir à l'histoire*»), то в данном случае происходит синхронизация и интимизация предполагаемого читателя — это современница-подруга, непосредственную эмоциональную реакцию которой Марианна ожидает, предполагает, получает. Кроме того, если героями или героинями романов-мемуаров (как и подлинных мемуаров) обычно оказываются исторические личности — реальные или вымышленные (например, побочный сын Кромвеля в романе А.-Ф. Прево «Кливленд, или английский философ»), бастарды, опальные дворяне, то у Мариво о процессе своей социализации, о вхождении в свет рассказывает не только не знаменитая особа, но сирота, происхождение которой неизвестно. Оттого ей приходится переживать не увлекательные, хотя бы и опасные, высокие приключения, как в барочных любовных романах, а попадать в драматические, но вполне обыкновенные ситуации (она остается после смерти жены священника, в семье которого воспитывалась, одна в чужом городе, без средств к существованию; она попадает под уличную карету, возвращаясь из церкви, и ранит ногу; ее разлюбил молодой человек, за которого она собиралась замуж, и т.п.). А сцены, хранящие след романических клише, получают неожиданное для традиционного романа естественное разрешение: так, встреча Марианны в саду с Вальвильем (то есть романическое свидание влюбленных) описывает ситуацию, когда Марианна прозревает, понимая, что Вальвиль ее разлюбил.

Одновременно реакция рассказчицы на события собственной жизни в силу временной дистанции трансформируется из чувствительно-драматической в ироническую⁹, приобретенный с годами опыт порождает иронию по отношению к собственным романическим иллюзиям, создает эффект «двойного регистра», о котором пишет Ж. Руссе [19]. «Романическое» (*romanesque*) подчеркнуто выступает в романе Мариво как элемент психологии персонажа: при том что Марианна лишь однажды упоминает о своем чтении романов¹⁰, ее иллюзии молодости вполне вписываются в представление о жизни как о романе (надежда на то, что откроется ее благородное происхождение, ожидание постоянства в любви и т.п.), хотя отсутствие прочной идентификации поведения героини с какой-либо определенной книжной моделью не только натурализует это

⁹ «Эмоция определенного момента... исчезает при малейшем движении, вызванном рефлексией: весь ступок восклицаний, слез, рыданий разбивается об ум Марианны, и мелодрама растворяется в тонкой иронии героини» [15, р. 137].

¹⁰ В раннем сочинении «Телемак наизнанку» Мариво рисует персонажей, пытающихся строить свою жизнь по конкретному роману — «Телемаку» Фенелона, в «Фарсамоне» поведение героя сформировано библиотекой любовно-приключенческих романов, которые он читает в имении своего дяди. Как полагает Н. Ферран, поскольку Марианна не имеет библиотеки, у нее возникает «более оригинальный жизненный проект и более оригинальное его выражение, освобожденное от какой-либо книжной имитации» [9, р. 255–256]. Однако это обстоятельство не освобождает Марианну от романических ожиданий и романической психологии.

поведение, но и открывает возможность для различных толкований этико-психологических мотивов ее поступков. Романической психологии не лишена и 50-летняя рассказчица: смеясь над гневом своей подруги по поводу измены Марианне ее возлюбленного Вальвиля (ведь он — не персонаж романа, его поведение не идеально, а естественно-скандально), в то же время «графиня де*** превращает Марианну в настоящую романическую героиню, достойную и обездоленную, соблазнительную и добродетельную, способную сопротивляться презрению тех, кто безжалостно упрекает ее за положение сироты» [10, р. 67]. Сложная игра «тщеславия и достоинства» [12, р. 138], кокетства и искренности, чувства и чувствительности в образе персонажа-повествователя придает тексту динамическую незавершенность.

К тому же не только история заглавной героини остается неоконченной: в определенный момент (начиная с девятой части книги) Марианна пересказывает подруге историю жизни монахини Тервир, с которой она познакомилась в монастыре — и эта история также не имеет завершения. Поэтика *roman inachevé*¹¹ (неоконченного романа) — одна из характерных особенностей рокайльной романистики XVIII в., удачно воплощающая сюжетную амбигитивность (двойственность-двусмысленность). Поэтому в «Жизни Марианны» при всем обилии отступлений рассказчицы от изложения только событий ее рефлексия над собственной судьбой и нравами людей, которых она встречала, лишена патетической назидательности, характерной для сентименталистской прозы. Роман можно прочесть и как историю «вознагражденной добродетели» в духе ричардсоновской «Памелы», и как «историю бедной девушки, соблазняющей богатого юношу» [7, р. 411], но ни то, ни другое прочтение не будет точным, поскольку каждое лишает текст произведения органически присущей ему амбигитивности.

Мариво вовлекает читателей в ситуацию «между сочувствием и критической дистанцией по отношению к героине-рассказчице» [11, р. 52], одновременно предлагая «новый модус прочтения романа» [14, р. 11], поскольку рефлексия Марианны касается не только содержания ее рассказа, но и манеры рассказывания. Марианна по ходу повествования признается, что у нее нет стиля, сомневается, что то, что было интересным в устном изложении, останется таковым на письме, утверждает, что она не пишет роман, и т.п. Создавая повествование от лица героини, Мариво отказывается от соблюдения привычных эпистолярных формул и одновременно от хроникальности мемуарного письма. Интерференция мемуарности и эпистолярности в «Жизни Марианны» скрепляется поисками интонационно-стилевой легкости, той манерой «babillage» (болтовни), которая и раздражала современников (вызывая своеобразные шаржи на «мариводаж», подобные образу феи Мусташ в романе Кребийона-сына «Ганзай и Неадарне»), и притягивала их, порождая продолжения и подражания шедевру Мариво¹². Однако ни одному из этих произведений не удалось достичь той психологической тонкости и того стилистического изящества, которые поставили «Жизнь Марианны» в ряд самых значительных романов эпохи Просвещения.

¹¹ О жанре *roman inachevé* см.: [4; 6; 13].

¹² О подражаниях и развитиях романа Мариво см.: [17].

Список литературы

1. *Аверинцев С.С.* Жанр как абстракция и жанр как реальность: диалектика замкнутости и разомкнутости // *Взаимосвязь и взаимовлияние жанров в развитии античной литературы.* М., 1989. С. 16–20.
2. *Вольперт Л.И.* Пушкин и Мариво (к проблеме пушкинского психологизма) // *Сравнительное изучение литератур* : сб. ст. к 80-летию академика М.П. Алексеева. Л., 1976. С. 263–269.
3. *Calas F.* Petit état des lieux du roman épistolaire en France: quelle typologie? // *Université Blaise Pascal. Journée consacrée à Evelina de Frances Burney.* Clermont-Ferrand, 2014. URL: http://www.ircl.cnrs.fr/pdf/2014/je_frances_burney/calas.pdf (дата обращения: 10.06.2022).
4. *Coulet H.* Le dénouement des romans inachevés et l'usage des topoï // *Web 17. Le XVII siècle de Roger Duchêne. Hommage avril 2007.* URL: web17.free.fr/RD03/2600.htm (дата обращения: 10.06.2022).
5. *Coulet H.* Les lieux communs romanesques dans la *Vie de Marianne* // *Etudes littéraires.* 1991. Vol. 24, №1. P. 95–104.
6. *Dale S.* The power of the quill: epistolary technique in Richardson's *Pamela* // *Revista Letras.* Curitiba. 2000. №53. P. 53–64.
7. *Demoris R.* Le roman à la première personne. P., 1975.
8. *Fellows O., Logan M.-R.* Naissance et mort du roman épistolaire français // *Dix-huitième siècle.* 1972. №4. P. 17 – 38.
9. *Ferrand N.* Livre et lecture dans les romans français du XVIII siècle. P., 2002.
10. *Guilhembet J.* De la séduction textile à la séduction textuelle dans le *Paysan parvenu* et *La vie de Marianne*, de Marivaux // *Criação & Crítica.* 2015. №15. P. 55–73.
11. *Guilhembet J.* Simulation et dissimulation chez l'héroïne-narratrice de *La Vie de Marianne* de Marivaux // *Echo des études romanes.* 2017. Vol. 13, №2. P. 43–54.
12. *Hatzfeld H.* The Rococo. N.Y., 1972.
13. *Lebrave J.-L.* L'écriture inachevée // *D. Budor, D. Ferraris (dir.). Objets inachevés de l'écriture.* P., 2001. P. 19–27.
14. *Martin Chr.* Mémoires d'une inconnue. Etudes de la *Vie de Marianne* de Marivaux. Mont-Saint-Aignan, 2014.
15. *Matucci M.* Sentiment et sensibilité dans l'oeuvre romanesque de Marivaux // *Cahiers de l'Association Internationale des études françaises.* 1973. №25. P. 127–139.
16. *Magnot-Ogilvy F. (dir.).* Nouvelles lectures de la *Vie de Marianne.* Une "dangereuse petite fille". P., 2014.
17. *Rivara A.* Les soeurs de Marianne : suites, imitations, variation. 1731–1761. Oxford, 1991.
18. *Rousset J.* Forme et signification. Essai sur les structures littéraires de Corneille à Claudel. P., 1962.
19. *Rousset J.* Marivaux et la structure du double registre // *Rousset J. Forme et signification. Essai sur les structures littéraires de Corneille à Claudel.* P., 1962. P. 45–65.
20. *Singer G.F.* The Epistolary Novel. Its Origin, Development, Decline and Residual Influence. Philadelphia, 1933.
21. *Tremblay I.* Fantômes du roman épistolaire d'Ancien Régime. Leiden-Boston, 2018.
22. *Versini L.* Le Roman épistolaire. P., 1979.

Об авторе

Наталья Тиграновна Пахсарьян — д-р филол. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; ведущ. науч. сотр., ИНИОН РАН, Россия.

E-mail: npakhsarian@gmail.com

The author

Prof. Natalia T. Pakhsarian, Lomonosov Moscow State University; Leading Researcher, INION RAS, Russia.

E-mail: npakhsarian@gmail.com